

ВОЛШЕБСТВО ОБЫДЕННОГО МИРА. СРЕДНЕВЕКОВЫЕ БЫТОВЫЕ ВЕЩИ-АМУЛЕТЫ В ПЕРМСКОМ КРАЕ

Н.Б. Крыласова,
*доктор исторических наук,
старший научный сотрудник,
Пермский филиал Института
истории и археологии УрО РАН*

После эпохи Великого переселения народов на территории Пермского края на основе местного и пришлого компонентов сформировалось новое население с особой неповторимой культурой. Эта культура в общих чертах оформилась в VII веке и со временем становилась все более консервативной, требующей беспрекословного соблюдения всеми членами общества многочисленных норм, правил, обрядов и ритуалов. Анализ материальной культуры средневекового населения нашего края, известной благодаря археологическим исследованиям, привел к выводу о том, что любое обыденное действие в древности приобретало характер особого строго регламентированного ритуала, а подавляющая часть вещей, окружавших человека в его повседневной и производственной жизни, имела характер амулетов, наделенных магической силой, способной защищать, обеспечивать связь с духами, приумножать человеческие возможности. Обыденный мир был пронизан волшебством.

В отличие от известных цивилизаций Древнего мира, таких как Египет, Греция, Римская империя, древнее население территории современного Пермского края не оставило нам ни письменных памятников, ни детальных изображений, позволяющих всесторонне изучить структуру хозяйства, быта, культуры, общественных отношений прошлого. Но тем не менее мы располагаем обширными археологическими материалами, достаточно разнообразными, весьма оригинальными, наполненными глубоким смыслом, который еще далеко не полностью осознан исследователями. При этом материальная куль-

тура Пермского края настолько своеобразна и выразительна, что вызывает большой интерес и у местных археологов, и у специалистов России, Украины, Венгрии, Финляндии, которые не только выделяют на своих территориях вещи прикамского происхождения, но и усматривают там влияние прикамской культуры в целом. Вот как, к примеру, высказался по этому поводу директор Института археологии РАН Н.А. Макаров: «Влияние Прикамья было обусловлено не столько непосредственным миграционным движением с востока, сколько необычайной яркостью и своеобразием декоративно-прикладного

искусства этой области».

Мы пытаемся понять причины высокой значимости культуры населения Пермского края в средневековом мире. К определенным выводам удалось прийти в результате комплексного детального исследования бытовых предметов и самого бытового уклада.

В современном мире быт чаще всего воспринимается как некая рутина. Организуя быт, мы заботимся о максимальном удовлетворении своих потребностей в комфорте, ускорении и облегчении домашней работы, выполнении гигиенических мероприятий, обычно в очень незначительной степени опираясь на опыт прошлых поколений и не ограничивая себя какими-то правилами и запретами. Наш быт чрезвычайно подвержен моде, обусловлен финансовыми возможностями. Мы легко вносим в него изменения, поддавшись рекламе новых товаров и услуг.

В средневековом мире все обстояло иначе. После глобальных процессов Великого переселения народов в VI–VII веках на территории Пермского края сформировалось некое относительно единое в этническом плане население, которое постепенно начало создавать собственную традиционную культуру и идеологию. На рубеже VII и VIII веков оформились основные черты этой культуры, причем не только внешние, но и внутренние, на уровне традиций и представлений о том, что и как положено делать. Постепенно каждое обыденное действие – разжигание огня, приготовление и прием пищи, одевание, расчесывание волос и т.п. – приобрело характер строго обусловленного традицией ритуала, любое отступление от которого не допускалось. С течением времени эти традиции становились все более строгими, консервативными и далеко не всегда рациональными. Подобное явление известно и в других культурах средневекового мира Евразии, но в Прикамье оно наиболее ярко и является характерной отличительной чертой бытовой культуры местного населения. К X веку бытовые ритуалы обрели религиозный характер, большинство обычных бытовых предметов превратились в своеобразные амулеты – магические помощники чело-

века, наделяемые не только простыми утилитарными функциями, но и иррациональными сверхъестественными способностями. Своей кульминационной точки этот процесс достиг на рубеже X и первой половины XI века. В это время бытовые вещи-амулеты стали уменьшаться в размерах, приобретать шумящие привески, повышавшие «магическую силу» амулета, но в значительной степени препятствовавшие практическому использованию вещей; совершенно неоправданно с практической точки зрения эти вещи изготавливались не из доступных дешевых материалов, вполне отвечавших их утилитарному назначению (дерево, кость), а из относительно дорогой бронзы или даже серебра. Наконец, некоторые предметы полностью лишились практической функции, став исключительно амулетами. Данная черта (наделение обыденных вещей магическими функциями амулетов) – это также явление, в наибольшей степени свойственное населению Пермского Предуралья. Возможно, кто-то из исследователей и не согласится полностью с этим заключением, приведя в качестве аргумента тот факт, что аналогичное использование вещей можно зафиксировать в средневековье достаточно широко. Но, с одной стороны, настолько масштабно, с охватом буквально всех сфер организации быта, это явление можно проследить только в Предуралье, а с другой стороны, несомненно, многие из бытовых вещей-амулетов, встречающихся в финно-угорских землях и у жителей Северо-Западной Руси, явно или имеют прикамское происхождение, или возникли под влиянием прикамских вещей.

Круг существовавших в эпоху средневековья бытовых вещей-амулетов достаточно широк, мы остановимся на самых ярких и выразительных из них.

Важным средством существования человека являлся огонь, домашний очаг, который служил и для отопления, и для освещения жилища, и для приготовления пищи, и для разнообразных производственных нужд. Даже в этнографическое время, когда языческие традиции в значительной степени утратились, исследователи выявляют особое почитание домаш-

него очага. К нему относились, как к живому существу, «кормили», избегали попадания в очаг острых режущих предметов, соблюдали запреты загрязнения очага бытовыми отходами и т.п. В обрядовой практике во многих традиционных культурах домашнему очагу приписывались сверхъестественные функции защиты домочадцев не только в повседневной, обыденной жизни, но и в моменты, когда, по представлениям людей, открываются проходы в потусторонние миры, откуда могут проникнуть враждебные силы (при родах, свадебных, погребальных и поминальных обрядах и т.п.).

Несомненно, в средневековом обществе обычаи почитания домашнего очага и всевозможные ритуалы, связанные с ним, проявлялись в значительно большей степени по сравнению с сегодняшним днем. При этом охранительная функция огня приписывалась и предметам, с помощью которых он добывался. В эпоху средневековья основным орудием добывания огня было огниво, включающее стальное кресало, кремь и трут. Ударяя сталью о кремь, высекали искру, воспламеняющую трут, от которого поджигались дрова. Кресала появились на той стадии развития кузнечного дела, когда был освоен способ получения стали с большим содержанием углерода. Такая сталь давала достаточно длинную искру, способную поджечь трут. Кресала, очевидно, изначально приобрели функции магических амулетов, обеспечивающих защиту их владельцу. Об их особом значении свидетельствует тот факт, что кресала были важным атрибутом погребального инвентаря. Люди (чаще мужчины, но нередко и женщины) носили набор огнива (кресало, кремь и металлическую трубочку с трупом) на поясе в специальном мешочке из ткани или кожи. Представления о защитных свойствах этих предметов сохранились в сказках многих народов (наиболее известный пример: спасаясь от погони, герой бросает за спину кресало – и возникает стена огня, бросает за спину кремь – появляется непреодолимая гора). Этнографы нередко фиксируют использование кресала в качестве гадального инвентаря (кресало подвешивают на нитке и

задают вопросы, раскачивание или неподвижность предмета являются ответом на поставленный вопрос).

На рубеже IX и X веков на территории Пермского Предуралья возникло совершенно уникальное явление – кресала стали дополняться бронзовыми рукоятями с пластическими изображениями животных, птиц и антропоморфных фигур (рис. 1). Бытовали подобные предметы до середины XI века. Диапазон сюжетов, воспроизведенных на рукоятях кресал, на первый взгляд кажется чрезвычайно разнообразным. Но после их систематизации выяснилось, что они укладываются в четкие композиционные группы: изображения одного животного в полный рост, изображения двух животных по принципу зеркального отражения, изображения двух птиц по бокам центральной антропоморфной фигуры. Среди первой группы выделяются фигуры, изображенные в профиль, и фигуры животных, обернувшиеся назад и кусающие собственный хвост. Во второй группе представлены животные в полный рост, обычно по бокам подтреугольной фигуры, поясные изображения животных и протомы (голова и часть шеи). В третьей группе центральная фигура может быть также представлена в полный рост или до пояса. Среди изображений первой группы известны кони, львы, горные козлы и разного рода драконы. Во второй группе преобладают кони, медведи, куньи, известны бобры, водоплавающие птицы и собирательные фантастические образы.

Присутствие на изображениях коней, медведей, пушных зверей, водоплавающих птиц не вызывает удивления. Конь – основной объект скотоводства, остальные являются обычными представителями уральской фауны. Но вот как в сюжеты рукоятей кресал попали горные козлы, львы и драконы? Дело в том, что в эпоху средневековья у жителей Урала существовали тесные контакты с иранским миром, откуда в больших количествах поступали монеты, бусы, а также парадная серебряная посуда с изображениями сцен жизни иранских царей и разнообразных мифологических сюжетов. Именно эти изображения могли послужить прототи-

Рис. 1. Кресала-амулеты с бронзовыми рукоятями

пами для сюжетов рукоятей кресал.

Однако мы не должны понимать мотивы поведения древних людей с современных позиций. Сейчас мы склонны легко воспринимать все, что угодно, – восточные амулеты, одежду с непонятными надписями на иностранном языке, – не задумываясь об их истинном значении, просто потому, что они нам понравились. Но в древности любое изображение имело совершенно определенный смысл, несло в себе некую зашифрованную идею, близкую и понятную человеку. Если изображение не соответствовало существующим идеологическим представлениям, оно не могло быть допущено в местную культурную среду. Отсюда следует вывод

о том, что жители Урала не просто машинально копировали понравившиеся изображения и воспроизводили их на определенных предметах, а абсолютно точно знали их значение и употребляли в соответствии с ним. Это означает, что купцы, поставившие на Урал восточные товары в обмен на ценную пушнину, вели определенную миссионерскую работу, внедряя в умы местных жителей основы индо-иранской мифологии. Этим может объясняться большое количество разного рода параллелей между наиболее хорошо сохранившейся по сей день мифологией западно-сибирских народов и зороастризмом, в частности, митраизмом.

Детальная расшифровка всех сюже-

тов, представленных на бронзовых рукоятях кресал, еще предстоит исследователям. На наш взгляд, прежде всего следует наметить основную линию, направляющую эти исследования. Вероятно, не случайно совершенно разные существа присутствуют на одном виде предметов. Должно существовать что-то, объединяющее их. Пока выделяется три линии, которые можно положить в основу исследования.

Во-первых, на кресалах могли быть представлены существа, предположительно сыгравшие некую роль в обретении людьми огня. Народные предания часто говорят о получении огня с неба, и посредником при этом обычно выступала птица. Следовательно, птиц, представленных на кресалах, можно считать именно такими посредниками. Множество мифов повествуют о том, что огонь прежде чем попасть к людям хранился в каком-либо отдаленном месте или у некоего божества. Подвиг похищения огня обычно приписывается так называемому «культурному герою» – прародителю племени, который мог выступать как в человеческом, так и в животном облике. Например, в одной из фратрий северных манси – пор – предком считался медведь, воспринимавшийся и как «культурный герой»; именно от него, по преданиям, люди получили огонь. Изобретение способа высекания огня (или дарование орудия для этой цели) нередко также приписывали божествам или «культурным героям». У хантов в одном из мифов о сотворении мира повествуется, что огонь создал Торум – верховное божество (в других мифологических сказаниях создание огня приписывается Золотому богатырю, За миром наблюдающему человеку – «культурному герою» Мир-сусне-хуму).

Вполне вероятно, что ряд изображений на фигурных рукоятях биметаллических кресал отражает представления о «культурном герое», которому приписывается добывание огня, либо о божественной небесной природе огня. Это могут быть мифологические герои во всех их ипостасях (медведь, конь, горноста́й, водоплавающая птица и др.). К этому кругу изображений может быть отнесен и сю-

жет с антропоморфной фигурой и двумя хищными птицами. Попытка расшифровать данный сюжет, который прочно закрепился в литературе как «Один и вороны», привела к выводу, что указанная композиция вовсе не связана со скандинавской мифологией, а является иллюстрацией распространенных в Сибири мифов «о разорителях гнезд». В ряде вариантов этих мифов «культурный герой» спасает птенцов гигантской птицы и в благодарность она дает герою орудие для добывания огня. Этот миф гораздо лучше соотносится с самой сущностью кресал, нежели миф об Одине и его ручных воронах.

Во-вторых, на кресалах могли быть представлены существа, в той или иной степени связанные с космогоническими мифами, культами плодородия, отражающими представления о всеобщей взаимосвязи мира, объединении миров. Так, конь во многих мифологических системах связан с водой и солнцем; медведь выполняет функцию посредника между миром богов и людей, он – дух земного плодородия и символ мужского начала, хозяин того света, олицетворяющий смертность; горный козел – одна из ипостасей авестийского бога-громовержца Веретрагны, козлы и дерево – символы лунного божества; водоплавающие птицы в мировом фольклоре – символ благополучия, олицетворение семейного счастья и домашнего очага. Образ утки восходит к древнейшим индоевропейским представлениям о творении мира из водного Хаоса богом-демиургом в облике водоплавающей птицы. В реконструируемом для прауральского уровня космогоническом мифе также повествуется о возникновении земли путем ныряния за ней в воды мирового океана водоплавающей птицы. Исследователи отмечают семантическую близость и взаимозаменяемость образов утки и горноста́й, воплощающих женскую символику и связанных с обозначением демиурга. Среди фантастических «драконоподобных» образов на рукоятях кресал выделяются: гиппокамп – крылатый конь-змея, связанный с водной стихией; Сенмурв (Симорг) – благожелательное существо, оберегающее от зла,

сочетающее в своем облике обитателей всех стихий (морду собаки, птичьих крылья и рыбий хвост), которое связано с культурами плодородия и мирового древа; из частей различных животных северной фауны создан образ, сопоставимый с «мамонтом» – фантастическим персонажем, известным в мифологии народов Сибири как существо, связанное с водой, выступающей эквивалентом первобытного хаоса. По поверьям, лось, медведь и щука, достигнув старости, уходят под землю, превращаясь в такого «мамонта». При этом лось теряет свои рога и обретает вместо них бивни, которые появляются и у медведя, превращающегося в мамонта; длинные ноги лося, не удобные для подземной жизни, укорачиваются, становясь похожими на медвежьи лапы, и, таким образом, оба этих зверя становятся одинаковыми по виду. В собирательных образах зверей на кресалах обычно сочетаются туловище медведя, уши лося, длинный пушистый хвост бобра; такие изображения хорошо согласуются с описаниями мифологического «мамонта».

Как видим, большинство образов так или иначе связаны со стихией воды. В верованиях финно-угров, в том числе коми-пермяков, водная стихия во многом тождественна огненной. Вода, в частности весенний дождь, как и небесный огонь (молния), очищает землю, а вместе с ней и людские души от всякой скверны. Вода, как и огонь, используется в качестве очищающего и оберегающего средства в народной медицине, колдовстве и знахарстве. Причем для пущей уверенности в достижении нужной цели огонь и воду используют одновременно. Например, при обрызгивании водой, в которую бросают горящие угольки, по поверьям, легче выводится порча и сглаз.

В-третьих, на кресалах, возможно, представлены образы, связанные с космическими и календарными представлениями. Идеи, изложенные в работе лингвиста А.В. Лушниковой, наводят на мысль, что это вполне могли быть символы созвездий (например: лев, козерог, близнецы – парное изображение коньковых голов) или лунных месяцев, сезонов. Например, горностай – символ лета, маркирующий

летнее солнцестояние как наивысшую точку годового пути Солнца, он подчеркивает господствующее положение верховного небесного божества, имевшего изначально женский облик Великой Богини-Прародительницы. Лев в авестийской космогонии – символ весеннего равноденствия, нового года; в Сасанидском Иране – зодиакальный знак июля, имевший отношение к культу Митры. В календаре древних коми весеннее равноденствие приходится на месяц Медведя. Рогатые животные (лось, олень, коза, лань и др.) в мифологических представлениях разных народов мира являются синонимичными образами, наделенными звездно-космической символикой. Причем зодиакальный Козерог сопоставим с Великой Богиней-Прародительницей. Любопытно, что для индоевропейского языкового ареала характерно функциональное подобие образов рогатых копытных, водоплавающих птиц и зверей семейства куньих (куда относятся горностай и ласка).

Кроме самих образов интерес представляет и особенность композиционного решения. Многие моменты весьма любопытны, но пока не находят объяснения. Например, подавляющее большинство парных фигур на кресалах обращено друг к другу и соприкасаются мордами, в то время как, например, на хорошо известных биконьковых подвесках головы животных обращены в противоположные стороны. Вероятно, разное расположение фигур на мужских предметах (кресалах) и женских (биконьковых подвесках) обусловлено половыми различиями, но прямых доказательств этому пока не найдено. Представляется довольно любопытным и то, что на рукоятях кресал с изображением одиночного животного, обернувшегося назад и кусающего свой хвост, представлены животные (горный козел, лев, барс), не свойственные территориям, где бытовали кресала. Поза этих животных, хорошо известная в скифском декоративном искусстве, не имеет аналогий в период средневековья. Каким образом эта композиция возобновилась спустя почти 1,5 тыс. лет, остается загадкой. Еще одна любопытная деталь, которая выявилась

при анализе композиций с одиночным животным, – это наличие двух хвостов, один из которых закинут на спину, другой опущен вниз. Эта особенность отмечается у изображений крылатого пса (Сенмурва), горного козла, льва. Вероятно, какую-то важную смысловую нагрузку несли и такие элементы, как ряды кружков, или «перлов», в основании кресал с антропоморфной фигурой и двумя птицами, прямые и косые насечки или зигзаги в основании биконьковых кресал и другие детали. Все это в совокупности требует специального глубокого анализа.

Во всяком случае, совершенно ясно, что на таком важном бытовом предмете, как кресала, не могли помещаться какие-то малозначимые образы и все особенностями их изображения таят в себе важную информацию.

Проведя масштабную работу по классификации, картографированию, расшифровке семантики биметаллических кресал, мы пришли к выводу, что несомненной родиной этих изделий является Пермское Предуралье. Во-первых, именно здесь в конце IX–X веке ярко прослеживается тенденция усиления магической функции полифункциональных предметов. Во-вторых, на территории современного Пермского края не только встречается наибольшее количество экземпляров таких кресал, но и представлено наибольшее разнообразие типов. На сегодняшний день удалось собрать сведения более чем о двух сотнях кресал, из которых 45 % по происхождению с территории Пермского Предуралья. В-третьих, только на территории Пермского Предуралья есть свидетельства местного производства этих изделий.

Картографирование находок биметаллических кресал позволило выявить несколько основных центров их распространения. Прежде всего, выделяется территория Среднего Предуралья (Пермское и Удмуртское) – основная территория бытования кресал с бронзовой рукоятью, место их зарождения и производства. Здесь встречаются кресала почти всех известных типов. Мнение о том, что первоначальный центр изготовления биметаллических кресал находился именно на

этой территории, прочно утвердилось в литературе. На этой территории, безусловно, выделяется ремесленный центр, где производились кресала с особыми характерными чертами, – Рождественское городище. Рождественский археологический комплекс отличается как большим разнообразием биметаллических кресал, так и наличием бракованных изделий.

Вторым центром распространения кресал с бронзовой рукоятью была территория Западной Сибири (Приобье). Большинство найденных здесь биметаллических кресал, с одной стороны, укладываются в общую классификацию, с другой стороны, имеют ряд отличительных черт – изображения на них более детализированные, четкие, фигуры животных отличаются реалистичностью. Для них характерно изображение глаз в виде крупных концентрических кружков, обязательное выделение ноздрей, четкая проработка ушей, обозначение рельефом мышц. Таким образом, общая стилистика зауральских кресал свидетельствует о наличии особого центра их производства на данной территории. Здесь известны и отдельные находки совершенно уникальных кресал, не имеющих аналогов. Несомненно, на территории Прикамья и Приобья в период конца IX – первой половины XI века жили родственные племена с общими культурными традициями, которые обусловили широкое распространение металлической пластики.

Находки биметаллических кресал на Крайнем Севере на Хэйбидя-Пэдарском жертвенном месте, в лесном Припечорье, святилище на острове Вайгач, вероятно, маркируют активное посещение этих мест охотниками из Прикамья и Приобья, а возможно, и поселение отдельных их представителей на северных землях. Это подтверждается наличием многих предметов материальной культуры, типичной как для Прикамья, так и для Западной Сибири, в частности, керамической посуды, в которой наблюдается большое сходство с посудой Западной Сибири.

Находки биметаллических кресал локализируются также на территории Волжской Булгарии, в Ветлужско-Вятском междуречье, в Приладожье. Отметим, что

районы распространения биметаллических кресал тяготеют к Волжскому и Камскому торговым путям и заканчиваются на западе в Скандинавии. Большинство отечественных, финских и норвежских археологов не сомневаются в их «пермском» происхождении. Проникновение кресал с бронзовыми рукоятями на запад датируется второй половиной X – началом XI века. Позднее возник собственный центр их производства в Финляндии. Здесь кроме распространенных на других территориях типов появился свой тип кресал со значительными отличиями как в сюжете, так и в стилистике изображений и даже в качестве металла; стал особенно популярным сюжет с двумя всадниками, скачущими навстречу друг другу. С территории Скандинавии эти кресала, в свою очередь, начали движение на восток.

Картография находок разных типов биметаллических кресал показывает, что, при безусловном распространении этих вещей исключительно в финно-угорской среде, использовались они неодинаково. В землях веси известны только кресала с медведями и «коньками», в Скандинавских странах бытовал собственный тип кресал со всадниками, а на землях мордвы, мери, коми биметаллические кресала совсем не пользовались популярностью. Не исключено, что это связано как раз со знаковой сущностью данных предметов.

Кресала с бронзовой рукоятью характерны в основном для богатых мужских погребений, принадлежавших, очевидно, местной знати; реже они встречаются в богатых женских захоронениях. Таким образом, несомненно, эти предметы служили определенным знаком высокого социального положения их владельцев. Наше недоумение вызывал тот факт, что зачастую в комплексах с биметаллическими кресалами присутствуют и обычные стальные кресала, характерные для того времени. Понять причину этого помог археолог А.П. Зыков, специалист в изучении древней металлургии. Согласно его исследованию, в процессе изготовления биметаллических кресал готовая стальная пластина помещалась в форму для отливки бронзовой рукояти и отливка соверша-

лась «поверх» стали. В ходе этой операции значительная часть углерода из стали выгорала, в результате кресало становилось непригодным для практического использования. Таким образом, в данном случае предполагавшаяся практическая функциональность отодвигалась на задний план, а основной становилась функция предмета как амулета.

Важнейшим и совершенно необходимым условием существования человека является питание. На обеспечение продуктами питания направлена основная хозяйственная деятельность людей. Хранение, приготовление и употребление пищи весьма значимы, и поэтому эти действия прежде всех других приобрели характер определенных ритуалов, строго охраняемых традицией. Особо важная роль при этом отводилась посуде, вероятно, служившей олицетворением качественной, сытной и здоровой пищи. Основной формой посуды на обширной финно-угорской территории от Западной Сибири до Поволжья с древнейших времен были горшки с округлым дном и относительно широкой горловиной. Такие сосуды устанавливались в открытом очаге (во время приготовления пищи), на нарах или земляном полу (при ее приеме), их форма наиболее пригодна для приготовления вареных и тушеных блюд типа похлебок и каш. В Пермском Предуралье в эпоху средневековья подобные сосуды преимущественно имели приземистые пропорции (высота равна или менее ширины сосуда); в научной литературе они получили наименование «прикамские чаши». Наиболее крупными и толстостенными были сосуды для хранения припасов. Они обычно не орнаментированы, в стенках имеют отверстия для вентиляции и для привязывания крышек, предохраняющих запасы от грызунов. Сосуды для приготовления пищи были поменьше, объемом около 4–6 л. Они также орнаментировались редко и очень простыми узорами, выполненными отпечатками пальцев, гребенкой, палочкой. Сосуды крупных размеров обычно заглаживались щепой или гребенкой, отчего на их поверхности и изнутри и снаружи прослеживаются так называемые «расчесы». Эти «расчесы»

являлись не только особенностью технологии изготовления посуды, но и своеобразным декоративным элементом. Обычно они располагаются по шейке сосуда в вертикальном направлении, а по тулову – в горизонтальном (реже наоборот).

Наиболее интересна столовая и ритуальная (погребальная) посуда (рис. 2). Обычно такие сосуды имели небольшие размеры (хотя по форме не многим отличались от крупных), их поверхность была заглажена чем-то мягким (ладонью, куском влажной кожи) и довольно богато орнаментирована. Орнамент располагался в верхней части сосуда. Наиболее характерным для Пермского Предуралья является украшение шейки сосуда повторяющимися горизонтальными рядами из отпечатков перевитого шнура. Этот орнамент дополнялся чаще всего отпечатками гребенчатого штампа: вертикальные оттиски, «подковки», зигзаг, «елочка» и пр., реже – ямками, кружками, нанесенными полой косточкой, и другими мотивами.

Сосуды подобного типа существовали на протяжении очень длительного времени, почти не подвергаясь серьезным изменениям. Наиболее устойчивой оказалась форма сосудов с неизменным округлым дном: отказаться от нее традиция не позволяла даже в тот период, когда в жилищах стали появляться элементы мебели с плоской поверхностью, на которую сложно было устанавливать круглодонную посуду. Пока только в Пермском Предуралье на целом ряде памятников в материалах конца X – первой половины XI века известны своеобразные подставки в виде кольцевидных валиков, предназначенные для установки круглодонных сосудов на плоскую поверхность. Это своеобразный памятник невероятной консервативности бытовых традиций жителей здешних мест. Вместо того чтобы сделать дно сосудов несколько уплощенным (что и появилось позднее), ради соблюдения традиции люди изобрели особые приспособления.

Важные данные об особенностях употребления пищи и о характере блюд можно почерпнуть на основе анализа столовых приборов. Среди них нам наиболее известна ложка – опять же по причине то-

Рис. 2. Керамический сосудик из раскопок Баяновского могильника

го, что ложки использовались в качестве амулетов (рис. 3). И если обычные бытовые ложки изготавливались из дерева и до наших дней почти не сохранились, то ложки-амулеты из кости и бронзы, по форме аналогичные обычным ложкам, массово представлены в прикамских материалах. Металлические ложки использовались в качестве подвесок-амулетов в

Рис. 3. Ложки-амулеты

женском костюме, обычно в качестве поясных привесок, реже – в составе нагрудных украшений. Костяные ложки, в большинстве случаев, как и бронзовые, снабженные отверстиями для привешивания, также носили культовый характер.

Подводя итоги детальному анализу средневековых ложек, мы можем с уверенностью утверждать, что для территории Пермского Предуралья были характерны довольно специфические их формы с особым, своеобразным декоративным оформлением.

Во второй половине VIII – первой половине IX века были распространены ложки с овальным или овально-подпрямоугольным слабоуглубленным черпаком, вытянутым по одной линии с рукоятю. Длина рукояти меньше или примерно равна длине черпака. Особенностью рукояти является характерный коленчатый изгиб при переходе к черпаку. Такие ложки нередко дополнялись зооморфными изображениями. Наиболее характерно завершение рукоятей скульптурной головой лося или водоплавающей птицы, а также помещение рельефного изображения головы медведя на перегибе рукояти. Такая форма ложек является общеуральской. Ложки из дерева, кости и рога с большими вытянутыми по осевой линии овальными черпаками и относительно короткими зооморфными рукоятями имеют в целом у финно-угорских народов древние корни (находки эпохи камня и раннего металла на торфяниковых стоянках Урала, Прибалтики и Финляндии).

Во второй половине IX – X веке черпаки ложек становятся округлыми, округло-подтреугольными, в виде овала, вытянутого перпендикулярно рукояти, как правило, относительно глубокими. Длина рукояти примерно равна или незначительно превышает длину черпака. Отдельные рукояти имеют коленчатый перегиб, как у более ранних ложек, но в большинстве случаев рукоять становится более прямой. В конце X – первой половине XI века подобные ложки относительно миниатюрных размеров стали снабжаться шумящими привесками в виде лапок водоплавающих птиц. Так, вероятно, стремились увеличить силу

амулета.

В XI–XIII веках бытовали ложки с овальными относительно неглубокими черпаками, вытянутыми по линии, перпендикулярной рукояти. Характерной их особенностью стало то, что длина рукояти значительно превышала длину черпака. Все подобные ложки костяные; наиболее выразительными среди них являются экземпляры, у которых в нижней части рукояти у перехода к черпаку помещено скульптурное изображение головы животного. В облике этого животного можно усмотреть коня, лося, зайца, волка и т.п., но, судя по наиболее качественно выполненным образцам, это, вероятнее всего, было изображение головы дракона, о чем свидетельствуют острые зубы (ложки из Кудымкарского и Роданова городищ) и небольшие округлые рожки на ложке из Кудымкарского городища. Верхняя приостренная часть рукояти снабжалась небольшим округлым отверстием для привешивания, а вся плоскость рукоятей покрывалась плотным орнаментом, индивидуальным у каждого экземпляра.

И, наконец, в XII–XIII веках появились бронзовые и костяные ложки со слабо углубленным черпаком овально-яйцевидной формы, по форме наиболее совпадающие с современными.

Таким образом, до середины XI века существовали ложки с укороченной рукоятью, а позднее пропорции ложек существенно поменялись. По какой причине произошла замена короткой рукояти, которой ложки снабжались с глубокой древности, на длинную, достоверно неизвестно. Однако, судя по дате этого перехода, можно предположить, что он был вызван влиянием городской культуры (булгарской, древнерусской). Вероятно, удлинение рукояти столовых приборов было связано с распространением нового, неизвестного ранее предмета интерьера – стола. Если раньше домочадцы устраивались на корточках в непосредственной близости от общего горшка с пищей, то теперь им приходилось тянуться к горшку через стол.

Развитие формы черпака происходило следующим образом: в достаточно огра-

ниченный период второй половины VIII – первой половины IX века бытовали ложки с большим черпаком овально-подпрямоугольной формы, вытянутым по осевой линии. Такая форма ложек известна на Урале еще в эпоху неолита (Шигирский, Горбуновский торфяники), была распространена в эпоху раннего железного века (ананьинская, усть-полуйская культуры), аналогичные деревянные ложки известны по средневековым поломским могильникам. Во второй половине IX века черпак принимает округлые очертания; эта форма сохранялась до середины XI века, хотя с конца X века округлый черпак начинает постепенно вытягиваться в стороны и приобретать очертания овала, перпендикулярного осевой линии ложки. Эта форма возобладали к концу XI века. В XII–XIII веках распространились ложки с длинной тонкой рукоятью и овальным яйцевидным черпаком.

Подавляющее большинство ложек, найденных в Пермском Предуралье, имеют уплощенную или слабоуглубленную черпательную часть. Причем эта особенность, вероятно, свойственна именно прикамским (или уральским) ложкам. К примеру, Л.А. Голубева, описывая костяные ложки Белоозера, отмечала, что их уплощенная форма близка к прикамским ложкам, т.е. Руси в целом такая форма не свойственна. По наблюдению этнографов, уплощенные ложки предназначались для принятия или приготовления определенных видов пищи, вероятнее всего, каких-то кашеобразных блюд. Только отдельные экземпляры ложек имеют относительно глубокий черпак, пригодный для употребления жидкой пищи (супы) или для иных целей, как, например, у народов Южной Сибири – для снятия пенок с молока. Таким образом, анализ ложек (независимо от того, что рассматриваются ложки-амулеты, поскольку мы пришли к выводу, что они повторяют по форме обычные бытовые ложки) не только позволяет проследить эволюцию во времени их формы, но и дает возможность установить кулинарные традиции древнего населения.

Относительно рассматриваемой в данном случае темы наиболее интересной

представляется сама традиция использования ложек в качестве амулетов. Эта традиция существовала в Пермском Предуралье в период с конца VIII до середины XI века. К этому же периоду относятся подвески-ложки, встреченные на соседних территориях – в поломских и неволинских могильниках, курганах Южного Урала, раннебулгарских могильниках, в Зауралье, – которые представлены единичными экземплярами и типологически схожи с прикамскими. Это позволяет предполагать, что проникновение данных предметов за пределы нашей территории связано с межкультурными контактами, которые, в данном случае, скорее всего, выражались в межэтнических браках, поскольку подвески-ложечки использовались исключительно в женском костюме.

Подвески-амулеты в виде миниатюрных ложечек известны и на Руси в материалах X – начала XII века. По мнению исследователей, они являлись символом благосостояния и довольства. Наиболее распространенными были круглые ложечки с гладкой или фигурной в виде плетенки рукояткой. Внешне они мало напоминают прикамские, но тот факт, что появление ложек-амулетов на Руси приходится на X век, когда в Пермском Предуралье с появлением дополнительных шумящих привесок «магические функции» амулетов-ложек достигают своей кульминации, позволяет предполагать, что их возникновение на Руси произошло, возможно, не без влияния со стороны прикамской культуры.

Судя по значительному количеству предметов гигиены, использовавшихся одновременно в качестве амулетов, в особый ритуал с религиозным оттенком были возведены процедуры, связанные с расчесыванием волос и уходом за телом. Среди подобных предметов выделяются гребни, копоушки (уховертки), туалетные коробочки, пинцеты.

Наибольший интерес представляет собой группа роговых и костяных гребней, спинка которых украшена резными фигурами животных (рис. 4). Исследователи относят их к характерным этническим украшениям финно-угорского населения Среднего Поволжья и Прикамья.

Рис. 4. Роговые гребни с зооморфными рукоятками и бронзовые амулеты-гребни

В целом гребни – это предмет массового обихода. Сфера их практического применения довольно широка – от использования как вспомогательного инструмента при прядении и ткачестве, орнамента при гончарном производстве до повседневного употребления в гигиенических целях. Как предмет гигиены гребень имел особо важное значение: с его помощью приводили в порядок волосы и вычесывали паразитов, что носило характер оздоровительного мероприятия. Учитывая, насколько трепетно финно-угры относились к волосам, можно понять, как важен был для них гребень. Ряд признаков, фиксируемых по археологическим материалам, свидетельствуют, что костяные гребни весьма высоко ценились. Сломанный гребень обычно не выбрасывали, ремонтировали или приспособляли для иных функций. Известны примеры, когда после поломки зубья аккуратно срезались и предмет использовался в качестве орнамента.

Гребни с зооморфным оформлением одновременно служили амулетами. В Пермском Предуралье их магическая функция была преобладающей. Большинство зооморфных гребней обнаружено в погребениях. Гребни определенных типов характерны для мужских погребений, где они располагались у берцовых костей слева, очевидно, в поясном мешочке. Но

наибольшее количество гребней встречено в женских захоронениях, где они находились в составе накосников справа. Обычно гребень подвешивался на правую косу, что, несомненно, имело какое-то определенное значение.

В декоре зооморфных гребней обычно используется мотив парных коней; этот образ, многократно повторенный на поясных накладках, костяных копоушках, биконьковых подвесках, биметаллических кресалах, появился у народов Урала и Западной Сибири из иранской мифологии, которая, как показывают новейшие археологические и этнографические исследования, оказала значительное влияние на формирование мифологической системы уральского населения. Истоки биконьковых изображений можно усматривать в индоевропейском близнецном мифе о братьях Ашвинах, главным символом которых были кони, и эта символика сохранилась в парных изображениях коней в германской, балтийской, славянской, финно-угорской и других традициях. Братья связаны с конями, со сменой дня и ночи, а следовательно, с солнцем, с функцией спасения; прослеживается и связь близнецов с плодородием (со священным мировым деревом). Идея близнецности пронизывает индоевропейскую мифологию, начиная с исходной неразделенности неба и земли. Именно идея этой

неразделенности, вероятно, отражена в орнаментации зооморфных гребней. У большинства из них основу орнаментальной композиции составляют косая решетка и «чешуйчатый» орнамент, причем часто наблюдается сочетание этих двух композиций. Косая решетка, возможно, обозначала землю, чешуйчатый орнамент обычно трактуется как изображение водной глади, волны. В аналогичных по смысловому значению прикамских бронзовых биконьковых подвесках привески в виде лапок водоплавающих птиц были связаны с водной стихией и ее животворными свойствами и со стихией небесной воды – дождя, от которого зависит плодородие полей. К.И. Куликов и М.Г. Иванова полагают, что в древности гребень представлялся как священный предмет, означающий небо и дождь. Таким образом, чешуйчатый орнамент можно в какой-то степени расценивать как изображение неба, а сочетание «решетки» и «чешуек» на биконьковых гребнях – как воплощение идеи неразделенности неба и земли.

Вне всякого сомнения, родиной роговых зооморфных гребней с относительно реалистичными изображениями двух коней было Среднее Предуралье (Пермское и Удмуртское): здесь имеются и истоки зооморфных изображений, которые были известны еще в период раннего железного века; здесь представлены все выделенные типы подобных гребней; находки не только составляют подавляющее количество всех имеющихся гребней данной группы, но и представлены на широком круге памятников. Однако исследователи отмечают, что такие гребни были распространены на территории, тянувшейся широкой полосой от Прикамья до реки Великая, не заходя на севере за южный берег Ладожского озера. Картографирование находок зооморфных гребней показало их концентрацию на территориях Северо-Запада восточной Европы (Старая Ладога, Псков, Вологодская область), в Волго-Окском междуречье (Ярославское Поволжье, Суздальское Ополье), но наиболее массово они представлены все же в Среднем Предуралье. Именно здесь находился центр зарождения гребней данной

группы. При анализе карт явно прослеживается распространение зооморфных гребней на запад вдоль по Волжскому торговому пути, по которому, как известно, вместе с болгарскими купцами передвигались и их торговые партнеры – «купцы Чулымские» – выходцы из Пермского Предуралья. Кроме того, отдельные исследователи предполагают, что в эпоху раннего средневековья происходили миграции групп населения Прикамья. Появление прикамского населения в родственной финской среде фиксируется в Ярославском Поволжье и в других районах Северной Руси, на землях мери. Поэтому вполне можно предположить, что находки роговых зооморфных биконьковых гребней маркируют следы непосредственного пребывания выходцев из Пермского Предуралья, так как такие вещи, как амулеты, вряд ли могли быть предметом торговли.

Высокая магическая значимость зооморфных гребней подтверждается возникновением имитирующих их бронзовых подвесок-амулетов, дополнением роговых гребней бронзовыми шумящими привесками. Распространение далеко на запад зооморфных роговых гребней из Предуралья, наделявших их значительными магическими свойствами, послужило толчком для возникновения металлических гребней-амулетов, которые, в отличие от реальных гребней, лишь отчасти выполнявших функцию амулета, были полностью лишены практического назначения. Роговые гребни либо происходят из Среднего Предуралья, либо изготавливались в подражание им, а гребни-амулеты производились на месте и имеют свои локальные особенности. Для западно-финских территорий характерны широкие гребни с большим количеством мелких зубьев, с изображением коней в полный рост. Их носили на груди на цепочке или шнурке, который крепился за боковые петли подвески. На древнерусских землях распространились амулеты в виде миниатюрных гребешков с семью зубьями, которые обычно использовались в составе наборов амулетов на цепочках. Такие цепочки носили на шее, но чаще – на груди в виде кисти, крепившейся на бля-

хе-цепедержателя. По мнению В.В. Седова, амулеты-гребни служили оберегами от болезней, так как они уничтожали паразитов – распространителей заразы. Не случайно и то, что славяне-язычники снабжали эти гребешки магическим количеством зубьев – 7. В Пермском Предуралье сложился свой собственный тип гребней-амулетов – со сплошной пластиной, на которой зубья гребня только проимитированы, и верхней частью, напоминающей основу шумящих биконьковых подвесок. Здесь количество зубьев – 9, другое магическое число. Три подобных амулета, встреченные на территории Волжской Булгарии, безусловно, попали туда с прикамским населением. К сожалению, ни одна подвеска не найдена в неразрушенном погребении, поэтому сложно восстановить способ их ношения. Но, по аналогии с роговыми зооморфными гребнями, можно предположить, что они использовались в составе украшений накольников.

К распространенным категориям предметов туалета у средневекового населения Пермского Предуралья можно отнести также копоушки, которые по своей прямой (утилитарной) функции предназначались для чистки ушных раковин от естественного загрязнения серой. Утилитарное назначение определяло форму этих вещей: чаще всего это бронзовый или костяной стерженек с подобием крошечной ложечки на конце. Наделение этих предметов дополнительными функциями амулета-украшения способствовало снабжению их обязательным приспособлением для привешивания в costume, декоративному оформлению, а иногда и дополнению шумящими привесками (рис. 5). Большинство копоушек изготовлено из избыточного для выполнения своей прямой функции относительно дорогого материала – кости, цветных металлов, снабжены тщательно выполненным орнаментом. Значительное количество копоушек из Пермского Предуралья имеет абсолютно излишнюю с практической точки зрения деталь – шумящие привески, которые усиливают значение предмета как амулета. Таким образом, как это было и с другими бытовыми вещами, копоуш-

Рис. 5. Копоушки

ки представляли собой полифункциональный предмет, который наряду с практическим назначением был наделен магической и эстетической функциями.

Копоушки, как и многие другие бытовые предметы, являлись украшением-амулетом. Как свидетельствуют материалы средневековых могильников Пермского Предуралья, копоушки, как правило, располагались в женском costumeном комплексе в составе накольников. Они использовались всегда по одной, либо вплетаясь в правую косу, либо свисая поверх нее.

Подобное перечисление и описание

бытовых предметов-амулетов, использовавшихся средневековыми жителями Пермского Предуралья, можно продолжать и далее. Особенности мировоззрения местного населения способствовали наделению буквально всех предметов – украшений, бытовых вещей, орудий труда – свойствами амулетов. Их присутствие в материальной культуре является прямым свидетельством строгой регламентации и ритуализации обыденных бытовых действий.

Для нас особенно любопытным является тот факт, что упомянутые предметы получили широкое распространение далеко за пределами нашего края. Вполне вероятно, что именно высокая магическая значимость разнообразных вещей способствовала их широкому распространению в среде родственных этносов. Можно с уверенностью утверждать, что Предуралье в эпоху средневековья являлось своеобразным идеологическим центром, откуда на западные территории расселения финно-угров и в Северную Русь проникали идеи использования разнообразных зооморфных украшений и амулетов.

Подобная привлекательность вещей «магического» характера из Пермского Предуралья может объясняться особым имиджем Урала как некой таинственной волшебной страны и отсюда – особой значимостью и силой всех распространенных там вещей. Подобное отношение к этой территории зафиксировано, к примеру, у индоиранцев, у которых в памятниках религиозной литературы и эпичес-

ких сказаниях говорится о том, что на далеком севере простираются величественные горы, достигающие небес. Вокруг вершины Северных гор движутся планеты, их обходит со всех сторон Солнце, над ними высоко стоит созвездие Большой Медведицы. С великих Северных гор в море ниспадают воды священной реки Ардвиги, с них текут земные реки, среди которых древнеиранская *Rāphā*, отождествляемая с Волгой. Там располагается чудесная страна счастливого, «блаженного» народа. Там теплый климат, лишённый морозов и зноя. В «Авесте» говорится, что когда страной правил царь Йима, то не было ни болезней, ни голода, ни холода и люди ходили молодыми, как пятнадцатилетние. Описанные горы исследователи отождествляют с Уральскими горами, священную реку Ардвиги – с Северной Двиной, где берет начало река Кама, если принимать ее за исток Волги, как считали древние, то есть описание вполне соотносится если не с территорией Пермского Предуралья, то с более северными землями, где у побережья Ледовитого океана располагались крупные святилища, активно посещавшиеся средневековыми жителями Пермского края (Хэйбидя-Пэдар, святилища на острове Вайгач).

Большинство из перечисленных амулетов-бытовых вещей вышли из употребления или были заменены более прагматичными формами со второй половины XI века.

Библиографический список

1. Голубева Л.А. Вещь и славяне на Белом озере. X–XIII вв. / Л.А. Голубева. – М.: Наука, 1973. – 212 с.
2. Крыласова Н.Б. Археология повседневности. Материальная культура средневекового Предуралья / Н.Б. Крыласова; ПГПУ. – Пермь, 2007. – 352 с.
3. Куликов К.И. Семантика символов и образов древнеудмуртского искусства / К.И. Куликов, М.Г. Иванова. – Ижевск: УдИИЯЛ УрО РАН, 2001. – 64 с.
4. Лушикова А.В. Модель универсума древних календарей / А.В. Лушикова. – М.: ИЯ РАН, 2004. – 260 с.
5. Макаров Н.А. О некоторых пермско-финских элементах в культуре Северной Руси (находки лунничных височных колец на Руси и в Скандинавии) / Н.А. Макаров // Новые исследования по этногенезу удмуртов. – Ижевск: УдИИЯЛ УрО АН СССР, 1989. – С. 51–64.
6. Седов В.В. Восточные славяне в VI–XIII вв. / В.В. Седов // Археология СССР. – М.: Наука, 1982. – 327 с.